

Глава 24

Гуай-цзай и Лю-лю стояли как раз лицом к дороге. И если Лю-лю уже почти не помнил этого человека, то Гуай-цзай узнал его мгновенно.

Малыш тут же выронил хворост и, не говоря ни слова, юркнул за спину Чжао-гэра.

Услышав голос, тот нахмурился. Чжао-гэр медленно обернулся к незваному гостю.

Ма Вэнь выглядел измотанным; на его плече висел дорожный узел — судя по всему, он только что вернулся в деревню и даже не успел заглянуть домой.

— Что-то случилось? — спросил Чжао-гэр.

Его тон был настолько холодным и безучастным, что мужчина невольно поморщился, однако быстро взял себя в руки. Чжао-гэр всегда вел себя с ним так.

— Чжао-гэр, я вернулся.

Он приподнял сверток со сладостями, в его голосе прозвучали заискивающие нотки:

— Я купил тебе угощение. Приказчик в лавке божился, что гэры их обожают. Пойдем скорее домой! — сказав это, он перевел взгляд на ребенка, прятавшегося за спиной папы. — Гуай-цзай, ты помнишь своего отца?

Чжао-гэр мгновенно помрачнел, но не успел он и рта открыть, как малыш выкрикнул:

— Ты не мой отец! Мой отец на пристани мешки таскает, он вечером придет!

Лю-лю тут же вставил свои пять копеек:

— Вот именно! Ты совсем не папа Гуай-цзая, его папа — дядя Фан!

Улыбка медленно сползла с лица Ма Вэня. Он внимательно посмотрел на Чжао-гэра и вдруг осознал, как сильно тот изменился за полгода. На нем была добротная, ладно скроенная одежда, которая очень шла к его лицу, сам он заметно округлился, а кожа приобрела здоровый румянец. Но самое главное... он умел улыбаться.

В его памяти повзрослевший Чжао-гэр всегда оставался бесстрастным и безучастным, словно кусок дерева; даже когда родные поносили или били его, он и бровью не вел, будто не слышал.

Но сейчас, еще издалека услышав звонкий смех и увидев сияющее лицо Чжао-гэра, Ма Вэнь на мгновение даже засомневался, тот ли это человек. В детстве Чжао-гэр еще мог расплакаться от боли, но, став старше, он разучился даже плакать. О том, чтобы смеяться, не могло быть и речи.

И всё же он любил Чжао-гэра — за эти большие глаза и какую-то природную кротость. А уж когда тот улыбался, он и вовсе становился писанным красавцем: глаза сужались в полумесяцы, а взгляд становился чистым и ясным, как отражение луны в тихой заводи.

С трудом удерживая на лице подобие улыбки, Ма Вэнь растерянно спросил:

— О чем это они толкуют?

Чжао-гэр посмотрел ему прямо в глаза, и взгляд его был предельно серьезен:

— Ма Дачжуан меня продал.

— Что?! — Ма Вэнь отшатнулся, словно от удара.

Чжао-гэр говорил спокойно, почти не повышая голоса, но Ма Вэню показалось, что эти слова оглушили его, отозвавшись в ушах невыносимым звоном.

— Этого не может быть! — Он сорвался с места и мертвой хваткой вцепился в руку Чжао-гэра.
— Быть того не может! Чжао-гэр, не шути со мной так!

Тот попытался высвободиться, но хватка была слишком крепкой.

— Отпусти.

— Чжао-гэр!

— Я сказал — пусти! — Чжао-гэр с силой толкнул его в грудь, и Ма Вэнь, пошатнувшись, отступил на пару шагов.

— Не веришь — иди домой и спроси у своих родителей. Я не лгу. Они продали меня за три ляна серебра.

— Но это же... как же так? Перед уходом я ясно сказал им, что люблю тебя и что мы поженимся, как только я вернусь! Они ведь обещали мне! Как они могли тебя продать? — Ма Вэнь говорил всё тише, пока голос его и вовсе не сошел на нет.

Чжао-гэр продолжал смотреть на него, и в его взгляде не было ни капли издевки — только горькая правда. В глубине души мужчина понимал: его родители на такое способны. Они всегда ненавидели Чжао-гэра, желали ему смерти, так с чего бы им вдруг соглашаться на этот брак? Тогда, перед его отъездом, они наверняка просто подыграли ему, чтобы он ушел со спокойным сердцем.

Ма Вэнь заставил себя успокоиться. Сделав несколько глубоких вдохов, он хрипло спросил:

— Кому они тебя продали?

Если Чжао-гэр всё еще в деревне, он сможет выкупить его обратно.

— Фан Цзычэню, — ответил Чжао-гэр.

— Фан Цзычэню? Это кто-то из приезжих?

— Да.

Ма Вэнь провел ладонью по лицу, пытаясь стереть нахлынувшее отчаяние, и снова протянул сверток со сладостями:

— Чжао-гэр, ты только жди меня, я всё...

— Не нужно, — холодно оборвал его Чжао-гэр. — Сейчас я живу хорошо и возвращаться не собираюсь. И сладости твои мне не нужны, заberi их.

Он вскинул на плечо охапку хвороста и, забрав детей, зашагал прочь.

Когда они отошли уже на приличное расстояние, Гуай-цзай оглянулся и прошептал:

— Папа, он всё еще идет за нами.

— Ничего, не обращай внимания. Пойдем скорее домой.

Вернувшись, Гуай-цзай притих. За обедом он едва притронулся к еде, а когда Чжао-гэр уложил детей на дневной сон, Лю-лю быстро засопел, а малыш лишь ворочался с боку на бок, заставляя кровать жалобно скрипеть.

Чжао-гэр вынес его на руках в кухню.

— Что случилось? Тебе грустно? — тихо спросил он.

— Угу, — Гуай-цзай сидел на маленькой скамеечке, понутив голову и нервно теребя край рубашки. — Он мне не нравится.

Для малыша Ма Вэнь так и остался безликим «он».

Чжао-гэр присел перед сыном на корточки:

— Почему?

— Я ему не нравлюсь, — в глазах ребенка заблестели слезы.

Тот никогда не бил и не ругал его, но в самом начале просто в упор его не видел, словно ребенка и вовсе не существовало. Чжао-гэр знал, что беременность стала для Ма Вэня ударом, который он не мог ни принять, ни простить. Ма Вэнь даже пытался заставить Чжао-гэра выпить отвар, чтобы избавиться от плода. Чжао-гэр тогда боролся не на жизнь, а на смерть; он опрокинул чашу и, глядя на Ма Вэня покрасневшими от ярости глазами, отчеканил лишь одно:

— Если ребенка не станет — я убью тебя.

Когда Гуай-цзай родился, Ма Вэнь не мог скрыть брезгливости и неприязни в своем взгляде. Малыш, хоть и был совсем крохой, чувствовал это кожей. Позже, видя, как ревностно Чжао-гэр защищает сына, мужчина попытался заставить себя принять мальчика. Он даже рассчитывал: если он задобрит ребенка и тот привяжется к нему, не смягчится ли и сам Чжао-гэр ради блага сына?

Он пытался подобраться к Гуай-цзаю, когда Чжао-гэра не было рядом, подкупал его сладостями, уговаривая назвать его отцом. Но малыш наотрез отказывался идти на контакт, а со временем и вовсе стал прятаться при его появлении.

— И он мне не нравится, — Гуай-цзай вытер слезы и упрямо вздернул подбородок. — Папа меня любит, и отец меня любит, я не хочу называть его отцом!

Дети остро нуждаются в любви, и даже если человек им не близок, его беспричинная неприязнь ранит до глубины души. Что уж говорить о ребенке, если даже взрослые чувствуют себя неуютно в такой атмосфере.

Чжао-гэр вздохнул:

— Тогда о чем ты плачешь?

— Но... но люди говорят, что он — мой настоящий отец.

Взгляд Чжао-гэра мгновенно стал стальным:

— Кто тебе это сказал?

— Бабушка Хэ и другие так говорят... Папа, — Гуай-цзай поднял голову, и на его ресницах дрожали слезинки, — он правда мой отец?

— Нет, он тебе не отец. Ты забыл? Помнишь, ты спрашивал меня, и я ответил: твоим отцом будет тот, кого я сам велю тебе так называть. У тебя в этой жизни есть только один отец. Это не Ма Вэнь и не кто-либо другой. Это Фан Цзычэнь. Только он, запомнил?

— Запомнил, — Гуай-цзай шмыгнул носом и осторожно потянул Чжао-гэра за рукав. — Папа, только не сердись.

— Я не сержусь, — Чжао-гэр подхватил его на руки и нежно поцеловал маленькую ладошку. — Если тебе будет грустно или что-то будет тревожить — всегда говори мне. Я помогу. Не держи всё в себе. Пока ты меня слушаешься, я никогда на тебя не рассержусь.

Гуай-цзай обхватил папу за шею и, прижавшись к его уху, едва слышно прошептал:

— Гуай-цзай будет послушным. Честное слово.

Чжао-гэр ласково погладил его по голове:

— Вот и молодец. Наш Гуай-цзай — самый лучший мальчик.

<http://bllate.org/book/15357/1420387>